

на литературном посту

СОДЕРЖАНИЕ

Вопиствующее напостовство (передовая).
А. Фадеев — Долой Шиллера! **Л. Авербах** — О целостных масштабах и частных Макарах. **В. Сутырин** — О благородных предках, неблагодарных потомках, о легкомысленном поведении последних, а также о том, до чего доводит неразборчивость в друзьях и приятелях. **Ранса Мессер** — О социальной природе поэзии В. Я. Брюсова. **Н. Рыкова** — Мариетта Шагинян. **В. Орлов** — Новое издание Блока. **А. Г.** — «Цишкин кафтан». **Дауд Юлтый** — Башкирская художественная литература. **В. Буш** — Глеб Успенский о Карле Марксе. **По ассоциациям** — В рядах пролетлитературы Татарстана. Взыскующие славы. **Библиография. Юмор. Хроника. Письма в редакцию.**

НОЯБРЬ
1929

21-22

МОСКВА
ГОСИЗДАТ

**А. ДЕРМАН — «Творческий портрет
Чехова».** Кооперативное издательство
«Мир», Москва, 1929 г., стр. 349,
ц. 2 р. 50 к.

С первых глав книги трудно разоб-
раться в методологической установке
ее. Дается биография Чехова, начатая

широкими мазками и затем торопливо скомканная и сведенная почти к хронологической схеме. Затем анализируется первый период творческой деятельности Чехова — журнальная его работа; причем эта деятельность оценивается в ее связи с тематикой и приемами юмористических журналов эпохи. (В этом отношении из последних работ о Чехове выгодно выделяются статьи т. Мышковской в журн. «Октябрь».) И только с 5 и 6 глав вы начинаете понимать, с какого рода работой имеет дело: перед вами опыт по психологии чеховского творчества, — опыт, построенный на предпосылке, что все творчество Чехова представляет собою отражение субъективно-психических процессов чеховской личности; эти психические процессы являются для Дермана последними данными, на которые он опирается в своем исследовании, — данными, не подлежащими дальнейшему истолкованию. Таким образом, мы имеем дело с психологизмом и биографизмом в самой наивной форме.

По мнению Дермана, основной чертой чеховской личности являются холодность, слабость чувства, любви, дисгармония между умом и сердцем. «И это обстоятельство, — говорит Дерман, — сыграло и в жизни и в творчестве Чехова роль определяющего (разрядка наша. — М. Г.) значения» (стр. 130). Если заметить при этом, что Дерман тут же констатирует, что сам Чехов «вопроса о своей дисгармоничности никогда не касался, явно умышленно храня это в тайне» (разрядка наша. — М. Г.), и следовательно Дерману придется оперировать все время методом косвенных улик, то можно себе представить, какое широкое поприще открывается Дерману для «гадания на кофейной гуще». Дисгармония чувства и ума рисуется Дерманом как драма чеховской личности; холодность Чехова доказывается рядом биографических примеров: его отношением к делу помощи голодающим, его отношением к друзьям и знакомым, к пациентам и пр. Сильное впечатление, произведенное на Чехова Михайловским и Короленко, объясняется тем, по мнению Дермана, что Михайловский помог Чехову осознать в себе эту холодность, а Короленко импонирует Чехову своей цельностью, гармоничностью, столь противоположной разладу в Чехове ума и сердца.

Дисгармоничность, которую страдал Чехов, объясняется Дерманом как природный биологический дефект, своеобразное природное уродство в роде отсутствия пальца или горбатости. Дерман так и говорит: «Природа лишила среднего чувств» (163 стр. — Разрядка наша). Чехова дара сильного непо-

Не будучи врачом и не произведя специального обследования организма человека, трудно что-нибудь сказать о природных предпосылках эмоциональной атрофии, если бы даже у Чехова она и была. Но совершенно нелепо из этого биологического свойства выводить все особенности творчества Чехова, как это делает Дерман. Марксистское литературоведение думает, что структура образа обусловлена социально-классовым бытием, и в нем необходимо в конечном счете искать причины того или иного характера образа. Однако Дерман держится иных взглядов и излагает их так, как будто бы марксистских методологических принципов не существовало: для Дермана основным, определяющим творчество Чехова, толчком является дисгармония чеховской личности. «Она (дисгармония. — М. Г.), — говорит Дерман, — в значительной степени определила направление его воззрений, его работу самовоспитания, тематику его творчества и самый стиль последнего» (sic! стр. 157, разрядка наша. — М. Г. Ясно, что, если бы природа не подкачала, и наделила Чехова чувством, — все в его творчестве было бы по-иному! А социально-классовое бытие, литературная среда, влияние иных идеологий — все это, очевидно, по мнению Дермана, несостоящие пустяки.

Большую часть своей книги — страниц около двухсот — Дерман посвящает доказательству вышеприведенного тезиса: Чехов писал для того, чтобы в творчестве преодолеть дисгармоничность. Это преодоление шло у Чехова, по мнению нашего автора, двумя путями: а) изображая людей слабого чувства, Чехов непосредственно обективировал свою дисгармоничность; б) изображая толстовство и его носителей, Чехов обективировал ту философию, к которой был он приведен слабостью чувства (172 стр.). Отсюда выводится тематика целого ряда рассказов. Не анализируя социальной сущности образа и даже не ставя вопроса об образе, Дерман с упорством и последовательностью, достойными лучшей участи, в каждой вещи видит одно и то же: преодоление чеховской дисгармоничности. Даже поездка на Сахалин и книга о Сахалине также, оказывается, были вызваны стремлением Чехова выровнять дисгармоничность своей натуры! Если в новеллах или пьесах Чехова встречаются чувство и душевная теплота, то Дерман доказывает, что это — поддельное, рассчитано-сделанное чувство, что Чехов, изображая волнение, сам не волнуется, изображая трогательное, сам не растроган!

Было бы методологически бесполезно спорить с Дерманом в этой плоскости и доказывать, что любой из объясняемых

ни фактов допускает в плоскости его же аргументации иное истолкование. Стать на эту точку зрения, значит вместе с Дерманом начать «гадание на кофейной гуще»! Хотелось бы только, чтобы Дерман сам заметил, что, вырвав личность Чехова из социального комплекса, взяв за исходный пункт анализа природный биологический дефект авторской личности, он обрек на пустоту и бессодержательность основные понятия свои — «холодности», «дисгармоничности»: они сделались чисто-формальными, помогающими формально расклассифицировать факты чеховской жизни и творчества.

После того как много страниц затрачено на доказательство явно неудовлетворительного тезиса, Дерман указывает еще на одно обстоятельство, обусловившее многое в творчестве Чехова. Чехов, оказывается, с помощью творчества преодолевал в себе раба («выдавливал в себе по капле раба»), боролся в себе с рабскими чертами, обусловленными воспитанием и окружающей средой в детстве (стр. 238), причем нет ни четкого социологического анализа среды, ни воспитания; и, что здесь еще важнее — нет указаний на то, существует ли какая-нибудь связь между первым стимулом чеховского творчества (преодоление дисгармонии) и вторым (преодоление раба). Или они мирно и механически действуют вместе независимо друг от друга?

Особенности чеховской стилистики, которая почему-то называется Дерманом чеховским стилем (стр. 239), так же как и тематика, выводятся Дерманом из знакомых уже нам принципов: преодоления холодности и рабства. Отталкиваясь от холодности, Чехов создает рассчитанно-трогательную стилистику (стр. 243). Сама по себе глава о стилистике наиболее интересна в работе Дермана и включает интересные наблюдения (часть их, правда, принадлежит Н. Н. Сретенскому). Но не учитывая ни социальной, ни конкретно-литературной обстановки чеховского творчества, Дерман не в состоянии использовать своих наблюдений. В иных случаях для объяснения стилистики Чехова Дерман прибегает к чисто-формальным приемам: к пресловутой теории «остраннения». Так, оказывается, что Чехов отталкивался от тургеневской манеры длительного описания, потому что она сделалась шаблоном, не производившим впечатления. Дефекты теории «остраннения» указывались неоднократно: она не в состоянии объяснить положительного содержания литературного явления, не в состоянии объяснить, почему так именно изменяется явление.

Указание т. Мышковской¹, что лаконичность чеховских новелл обусловлена рамками журнального рассказа (60—70 строк), представляется нам более вероятным.

Совершенно очевидно, что исследователю, обладающему такой «методологией» и так интерпретированным материалом, трудно подойти к проблеме цельного мировоззрения художника. Но Дерман храбро посвящает этой проблеме две особые главы: «Диалектика во взглядах Чехова» и «Мироощущение Чехова». Забыв в этих главах о «холодности» и «дисгармоничности» Чехова, как будто этим «проблемам» не было посвящено около двух сотен страниц, Дерман последовательно излагает взгляды Чехова на русско-японскую войну, на еврейство, на либерализм, на Суворина, на интеллигенцию и устанавливает, что взгляды Чехова на все перечисленные явления не были однородны, что в разное время и при разных обстоятельствах Чехов по поводу одних и тех же явлений высказывал противоположные суждения.

Конечно, хорошо уже и то, что в этих главах Дерман слезает с заезженного и заморенного конька «дисгармонии» и делает какие-то намеки хотя бы на социологическую терминологию. «Его (Чехова) могучий рост является,— говорит Дерман,— непрерывной цепью преодолений, отталкиваний и превращений из одного состояния в качественно иное, противоположное, из автора охотничьей публикации зубного врача Гвалтера—в автора «Скрипки Ротшильда», из раба—в жреца абсолютной свободы, из мальчишьяноши, воспитанного в навыках и воззрениях самого затхлого и отсталого класса в России,—в обличителя и злейшего врага этого класса, из поставщика увеселительного чтiva для бульварных газеток—в классика и беспримерного мастера слова. Мог ли этот гигантский процесс роста совершаться без отставаний, без противоречий с самим собой, без частных непоследовательностей? Разумеется, нет» (стр. 277).

Все это может быть и так, т. Дерман, но зачем вы диалектику беспокоили? Удивительно, сейчас все сделались диалектиками, не считая необходимым обратиться хотя бы к Куно-Фишеру для справки о том, что принято считать диалектикой! Ведь для того, чтобы признать процесс, описанный т. Дерманом, диалектическим, необходимо не только дать описание его, но и указать реальные силы, порождающие противоречие, переход от тезиса к антитезе и синтезу, и, таким образом, указать реальный смысл диалектического процесса. Необходимо помнить, что отнюдь не всякое противоречие является диалектическим противоречием! А какие силы может ука-

¹ Т. Мышковская — «Чехов и юмористическое журналы 80-х гг.», Изд. «Московский рабочий», М. 1929 г.

зять Дерман, кроме «дисгармонии сердца и ума» и «преодоления раба»?! На этом далеко не уедешь...

Если учесть все эти дефекты книги т. Дермана, то уже не удивляешься, что в последней главе «Мироощущение Чехова» совершенно неожиданно, без всякой предварительной подготовки, как «*deus ex machina*», появляется у Дермана утверждение, что Чехов — подлинный революционер, и психология Чехова — психология революционера. Забыв о холодности Чехова, Дерман утверждает теперь, что оптимизм и детская жизнерадостность являются основным толчком всей жизни Чехова. Вот подлинные слова Дермана: «Вся общественно-политическая эволюция Чехова была определена его жизнерадостным оптимизмом, постепенно породившим в нем глубочайший и острый протест против уродливых и косных форм российской обывательской жизни» (стр. 339). Читатель, конечно догадывается, что раз оптимизм породил протест Чехова против уродливых и косных форм, значит Чехов и был революционером! Можно ли встретить в наше время более бессодержательную, либерально-отвлеченную фразеологию?!

Дерман заметил у Чехова один стилистический прием, который сам Чехов охарактеризовал следующими словами: «Все действие веду мирно и тихо, а в конце даю зрителю по морде». Думается, что Дерман нашел этот прием весьма эффективным и решил его применить в своей работе: настолько оглушителен по неожиданности ее финал. Хоть бы так обошелся Дерман со своим читателем: вперед показал бы, как Чехов с помощью творчества преодолел в себе дисгармоничность и раба; затем, как, справившись с этими дефектами, Чехов сделался оптимистом и потому революционером. Это тоже было бы, мягко выражаясь, нечто «далекое от истины», но не столь неожиданное, по крайней мере... Сейчас же, судя по тому, как т. Дерман относится к читателям, мы его самого подозреваем в холодности...

М. Григорьев